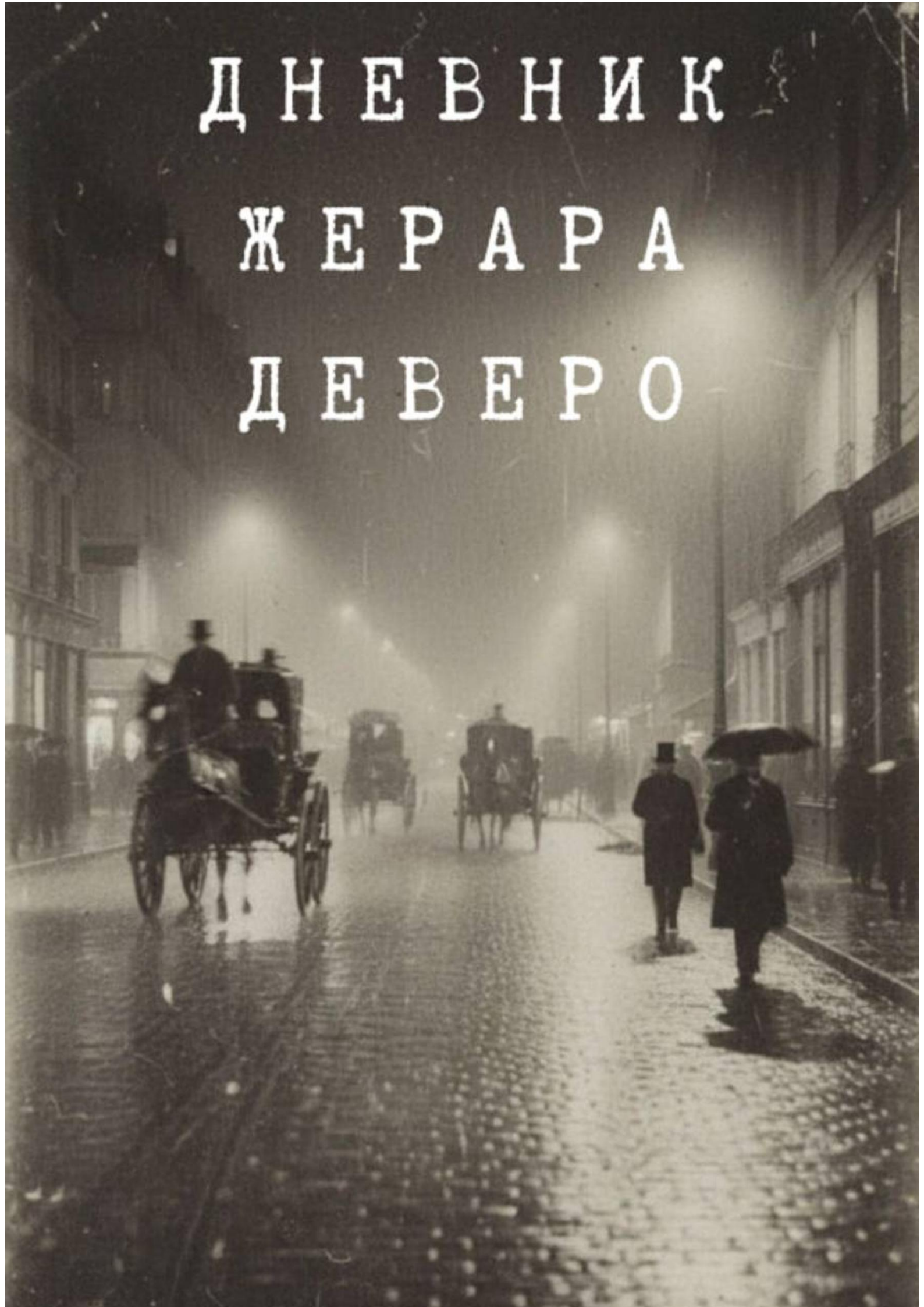

ДНЕВНИК

ЖЕРАРА

ДЕВЕРО

Арам Андреасян

**Тайна парижской крови.
Дневник Жерара Деверо**

«Автор»

2025

Андреасян А. А.

Тайна парижской крови. Дневник Жерара Деверо /
А. А. Андреасян — «Автор», 2025

Париж, 1872 год. Город зализывает раны после войны, но в его тени кипит другая, невидимая война. Молодой американский студент-юрист Райт Халман и его пылкий итальянский друг Сильвано оказываются в центре кровавой драмы: убита семья Сильвано. Начинается расследование, которое приведёт их в самые тёмные переулки Парижа, к тайнам мафии, финансовым махинациям и встрече с безжалостным врагом, чьё влияние простирается через океан. Чтобы выжить и добиться правды, им придётся переступить через закон.

© Андреасян А. А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Умы, отточенные как лезвия	5
Глава 2. Кровавая записка и тень хаоса	6
Глава 3. Игра в тени и шепот прошлого	7
Глава 4. Паутина ловушек и шепот угроз	8
Глава 5. Лик врага и призрак огня	9
Глава 6. Финал в тумане и цена правды	10
Глава 7. Тишина после бури	12
Глава 8. Библиотека тихих ужасов	14
Глава 9. Незнакомка в тумане	15
Глава 10. Союз теней и чернил	17
Глава 11. Шепот цифр и ярость улиц	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Арам Андреасян

Тайна парижской крови.

Дневник Жерара Деверо

Глава 1. Умы, отточенные как лезвия

Осень 1872 года одела Париж в золото и багрянец. Воздух, еще теплый от уходящего лета, был пропитан сладковатым душком перезрелых каштанов, угольным дымом и тревожным запахом перемен. Город, зализывающий раны после войны и кровавой Коммуны, напоминал раненого зверя – прекрасного и опасного. В этот хаос и прибыл Райт Халман. Молодой американец из Сент-Луиса, чей ум, холодный и пронизательный, жаждал не богемных утех, а структуры и порядка. Он приехал изучать право в Сорбонне, веря, что французская юридическая мысль, как алмаз, отточит его стратегическое мышление.

Райт был не по годам серьезен. Его пронзительные серые глаза, казалось, видели не людей, а схемы, слабые места в аргументации, изъяны в логике. Он держался в стороне от бурной жизни Латинского квартала, пока однажды в университетской библиотеке не стал свидетелем спора. Молодой человек с живыми, почти черными глазами и шапкой непокорных кудрей с жаром, достойным трибуны, доказывал что-то библиотекарю, цитируя на безупречном французском труды Чезаре Беккариа.

– Mes excuses, monsieur, но вы не правы! – голос итальянца звенел, как сталь. – Беккариа говорил не о мягкости, а о неотвратимости наказания! Разница фундаментальна! Это не философия всепрощения, это математика справедливости!

Библиотекарь, покраснев, что-то пробормотал и ретировался. Итальянец повернулся и встретился взглядом с Райтом. В его взгляде читалось не смущение, а озорное торжество.

– Кажется, я заставил его перечитать «О преступлениях и наказаниях», – улыбнулся он, и его лицо сразу преобразилось, став удивительно открытым.

– Эффективный метод обучения, – сухо заметил Райт. – Хотя и несколько экстремальный.

– О! А вы кто? Странник экстремальных методов или строгого следования правилам? – парировал итальянец, с любопытством разглядывая американца.

Так начался их разговор. Сильвано Боргезе, выходец из богатой семьи тосканских торговцев шелком, был полной противоположностью Райта – импульсивный, страстный, дышащий жизнью полной грудью. Их умы, столь разные, идеально сцеплялись, как шестеренки сложного механизма. Страсть и интуиция Сильвано дополняли холодную логику Райта, а аналитический склад ума американца стал якорем для пылкого итальянца. Они стали не просто друзьями. Они стали братьями по разуму.

Глава 2. Кровавая записка и тень хаоса

Однажды холодным ноябрьским вечером, когда дождь барабанил в ставни комнаты Райта на Монмартре, превращая улицы в черные блестящие ленты, в дверь постучали. Стук был невнятным, прерывистым, больше похожим на царапанье обессиленного животного.

Райт открыл и едва узнал Сильвано. Тот был бледен как полотно, его изящные пальцы, обычно столь живые в разговоре, были испачканы грязью и сведены судорогой. В них он сжимал клочок бумаги.

– Mio Dio... Райт... – его голос был хриплым шепотом, губы не слушались. – Они... они... мои родители... в Ливорно...

Он рухнул на стул, беззвучно рыдая, его плечи тряслись. Райт молча поднял выпавшую из его рук записку. Бумага была порвана с одного края, будто ее вырвали из чьих-то рук. На ней, корявым, торопливым почерком, было нацарапано: «Il debito è estinto. Sangue per onore. Corleonesi. Fine.» («Долг погашен. Кровь за честь. Корлеонези. Конец.»). Слово «Corleonesi» было залито темно-коричневым, почти черным пятном, от которого шел слабый медный запах. Райт понял, что это кровь.

– Курьер... нанятый соседом... – выдавил Сильвано. – Дом... они в своем же доме... Оба... – Он поднял на Райта глаза, полые от ужаса. – За что, Райт? Отец был строг, но честен! Мать... Dio, mia madre...

Райт не стал говорить пустых слов утешения. Его ум, воспитанный на статьях и параграфах, уже начал работу. Преступление – это уравнение. Есть следствие. Нужно найти причину. Он молча налил другу бренди, заставил того выпить, и повел в префектуру.

Парижская полиция 1872 года была перегружена поимкой бывших коммунаров и политическими интригами. Чиновник в мундире с засаленными рукавами выслушал их с откровенной скукой.

– Убийство итальянцев в Италии? – переспросил он, щурясь. – Mon cher, это дело рук карбонариев или какой-нибудь семейной ссоры. Ливорно – это не Париж. У нас тут свои проблемы. Обратитесь к королю Виктору Эммануилу.

– Но эта записка! Угроза! Кровь! – страстно воскликнул Сильвано.

– «Корлеонези»? – чиновник усмехнулся. – Это как сказать «Смит» в Сицилии. Ни о чем не говорит. Простите, больше ничем помочь не могу.

Отчаяние в глазах Сильвано сменилось стальной решимостью. Он выпрямился и посмотрел на Райта.

– Я найду этого человека. Один, если придется. Я буду рыть землю руками, но найду.

– Ты не один, – тихо, но с такой незыблемой уверенностью сказал Райт, что Сильвано невольно выдохнул. – Уравнение имеет решение. Мы его найдем.

Глава 3. Игра в тени и шепот прошлого

Их расследование началось в туманных, пропитанных враждебностью улицах Парижа. Город, восстанавливавшийся после осады, был полон шрамов. Следы пуль на стенах, заложенные кирпичом окна – все напоминало о недавней резне. Воздух был густ от угольной пыли, запаха мокрого камня и невысказанных подозрений.

Райт выстраивал стратегию, как сложную судебную речь: нужно опросить итальянских эмигрантов, узнать о делах семьи Боргезе, найти финансовые или личные мотивы. Сильвано, с его знанием языка и связями, добывал информацию. Он был лицом их дуэта, в то время как Райт оставался мозгом, анализирующим каждую деталь.

Их поиски привели их в зловонное сердце итальянской диаспоры – в лабиринт узких переулков вокруг площади Бастилии. В таверне «У Сицилийского льва» с закопченными потолками пахло чесноком, дешевым вином и страхом. Люди отводили взгляд, бормотали «non so» и спешно удалялись, едва заслышав фамилию «Корлеонези». Страх был осязаем.

Лишь после того, как Сильвано, дрожа от ярости, поставил на стол старого трактирщика все свои деньги, а Райт холодно и методично заявил: «Молчание делает вас соучастником. Убийство – это международное преступление. Французское правосудие не дремлет», – один из завсегдатаев, тщедушный человечек по имени Луиджи, сломался.

– Silenzio! Ради Бога, тише! – прошипел он, озираясь. – Слушайте быстро. С вашей семьей был связан Калоджеро. Калоджеро Корлеонези. Un avvoltoio – стервятник. Он был должен вашим родителям большую сумму за шелк. Но вместо денег... он пытался шантажировать вашего отца. Говорил, что знает о его «старых грехах», о чем-то, связанном с революцией сорок восьмого года.

Сильвано побледнел: «Отец никогда не говорил...»

– Ваш отец гордо выгнал его! – продолжал Луиджи. – А Калоджеро... он был в долгах у неаполитанцев, у каморристи. Очень опасных людей. Слухи говорят, что он сбежал. В Америку. Считалось, что его убили кредиторы. Но, видимо, нет... Он нашел способ расплатиться. Ваша семья стала его платой.

Райт замер. Ледяная игла прошлась по его спине. – Америка? – переспросил он, и его голос прозвучал неестественно громко. – Год назад? Вы уверены? – Si, si. Год, может полтора. Почему?

В памяти Райта всплыл кошмарный образ: чудовищный пожар в Сент-Луисе, уничтоживший складской квартал. Погибли люди. Шептались, что это была расправа мафиози из-за долгов. И главным подозреваемым был некий итальянец по кличке «Калд» – коротко, зловеще. Полиция ничего не доказала.

– Dio mio... – прошептал Сильвано, видя лицо друга. – Что такое, Райт?

– Ничего, – соврал Райт, впервые за все время. Ледяной ужас сковал его. Это было не просто убийство. Это была паутина, и одна ее нить тянулась прямиком в его собственное прошлое.

Глава 4. Паутина ловушек и шепот угроз

Через два дня на пороге их квартирки появился мальчишка-посыльный с письмом. Конверт был хорошего качества, но адрес был нацарапан неровным, уклончивым почерком.

«Сильвано Боргезе. Знаю о твоём поиске. Твоё рвение трогательно. Приходи сегодня в полночь на мост Мари. Приди один. Узнаешь правду о чести своего отца. Скажешь стражам у реки: «От Кало».»

Сердце Сильвано забилося чаще. «Правда об отце» – эти слова ударили ему прямо в душу. – Это он! Это шанс! – воскликнул он, зажимая записку в кулаке.

Райт взял конверт, поднес к керосиновой лампе, потер бумагу между пальцами. – Ловушка, – отрезал он. – Бумага дешевая, чернила – самые простые. Пишущий не хотел себя выдавать. Фраза «стражи у реки» – явный пароль для своих. Он знает, что ты не один. Он проверяет нас.

– Мне все равно! – страстно возразил Сильвано. – Он говорит об отце! Я должен знать!

– Мы пойдем, – поправил его Райт, и в его глазах вспыхнул холодный огонь. – Но не в ловушку, а в засаду. Нашу засаду.

Полночь. Мост Мари тонул в холодном, колючем тумане, поднимавшемся с Сены. Фонари едва разгоняли мрак, превращая прохожих в зыбкие тени. Сильвано, закутавшись в плащ, стоял в условленном месте. Райт, как и договорились, укрылся в глубине арки на набережной, откуда был виден весь мост.

Из тумана возникла высокая худая фигура в поношенном сюртуке. – Боргезе? – сипло спросил незнакомец. – Я. Что ты знаешь о моем отце? – Знаю, что ты ищешь не там, где надо. Калоджеро далеко. Он стал могущественным человеком. Его люди – повсюду. Он сказал передать: твой отец был... – незнакомец сделал паузу, наслаждаясь моментом, – трусом. Он запятнал свое имя.

В этот момент Райт, обладавший острым зрением, заметил, как с другого конца моста на них быстрым, уверенным шагом движутся две тени. Ловушка захлопывалась.

– Сильвано, назад! – крикнул Райт, выскакивая из укрытия и сбивая с ног незнакомца мощным толчком плеча.

Началась свалка. Послышались свистки полицейских. Нападавшие и незнакомец растворились в тумане так же быстро, как и появились. Сильвано и Райт, отбиваясь, бросились в противоположную сторону, скрываясь в лабиринте темных переулков.

На следующий день в их дверь просунули еще одну записку. Всего одно слово, вырезанное ножом на клочке бумаги: «Prossimo. L'americano.» («Следующий. Американец.»)

Райт понял. Это была не просто месть. Это была игра в кошки-мышки. Калоджеро знал о нем. Знает о его прошлом. Он методично разделял их, сея страх, натравливая одного на другого.

Глава 5. Лик врага и призрак огня

Их следующим шагом был визит в архив префектуры. Райт, используя все свое красноречие, ссылаясь на изучение судебной практики и «сравнительный анализ методов расследования», смог добиться доступа к делам о несчастных случаях и пожарах за последний год. Он искал почерк «Калд».

И он нашел. Запись о пожаре в порту, три месяца назад. Сгорел склад с импортным товаром. Владелец, неаполитанец по имени Джузеппе Риччи, был найден мертвым за несколько дней до возгорания – официально, падение с лестницы. Но в акте вскрытия была крошечная, едва заметная приписка: «на шее обнаружены следы, похожие на повреждения от веревки или тонкого троса». Дело было закрыто за отсутствием состава преступления.

Следующая жертва «Калд» была здесь, в Париже.

Они разыскали вдову Риччи, Анну, проживавшую в сырой комнатенке на окраине. Женщина с глазами, потухшими от горя, сначала отказывалась говорить, крепко сжимая в руках распятие.

– Signora, – тихо сказал Сильвано, опускаясь перед ней на колени. – Per favore. Моих родителей тоже убили. Я понимаю вашу боль. Помогите нам остановить этого человека.

– Он придет и за мной... – прошептала она. – Он не придет, – холодно и уверенно заявил Райт. – Мы придем за ним. И ему будет не до вас. Опишите его.

Его тон, голос юриста, не допускающий возражений, подействовал. Женщина сломалась.

– Он пришел к нам... высокий, с лицом, изъеденным оспой, – выдохнула она, глядя в пустоту. – И глаза... Dio, глаза как у мертвой рыбы, стеклянные, ничего не выражающие. Он говорил тихо, почти ласково. Спрашивал про деньги. Мой Джузеппе плакал, умолял... А этот человек... он улыбнулся. И сказал: «Не плачь. Твой долг будет погашен. Кровью и честью». Те же слова... – она посмотрела на записку в руке у Сильвано.

Райт собрал воедино все детали: почерк в записках (нервный, с резкими углами), манеру нападения (наемники, не прямолинейная атака), методы устрашения (психологическое давление, игра). Он понял, что имеет дело не с безумным мстителем, а с расчетливым, безжалостным стратегом, таким же, как он сам, но лишенным всяких моральных ограничений.

Калоджеро не просто скрывался – он строил свою империю страха, и семья Сильвано была для него лишь досадным старым долгом, который он решил инкассировать самым жестоким образом.

Глава 6. Финал в тумане и цена правды

Они поняли, что ждать следующего хода нельзя. Нужно было заставить Калоджеро совершить ошибку, выманить его из тени. Райт разработал хитроумный план. Через связи Сильвано в диаспоре был пущен слух, что у молодого Боргезе есть компрометирующие документы на Калоджеро – старые бухгалтерские книги отца с пометками о долгах, – спрятанные в сейфе банка на бульваре Осман. И что завтра, ровно в полдень, он заберет их и отнесет прямым путем в префектуру.

Они заняли позицию в маленьком кафе напротив банка. Дождь лил как из ведра, превращая бульвар в бурную реку грязи и промокших газет. Прошел час. Два. Сильвано нервно тербил стакан с остывшим кофе.

– Он не появится. Он почуял ловушку.

– Нет, – не отрывая взгляда от улицы, ответил Райт. – Он слишком расчетлив. Он не может позволить, чтобы эти документы, даже мифические, увидели свет. Он придет. Лично. Чтобы убедиться.

И тут Райт заметил его. Высокий мужчина в длинном плаще и цилиндре, низко надвинутом на глаза. Он стоял под крышей другого здания, не смотря на банк, а изучая окна домов напротив, выискивая засаду. Его движения были выверены, экономичны, профессиональны. Это был не наемник. Это был хозяин.

– Он здесь, – тихо сказал Райт. – Смотри. Напротив булочной. Цилиндр.

Сердце Сильвано заколотилось. Ненависть затуманила его глаза. Он рванулся было к выходу, но Райт схватил его за руку.

– План, Сильвано! Придерживаемся плана! Я иду справа, ты слева. Отрезаем путь к отступлению в переулок.

Они вышли на улицу, разделившись. Увидев Сильвано, идущего прямо на него, мужчина резко обернулся. На мгновение под полями цилиндра мелькнуло лицо, изрытое оспинами, и те самые холодные, мертвые глаза. В его взгляде не было страха – лишь презрительная усмешка.

– Il cussìolo. Щенок, – просипел он. – Решил нанести визит вежливости?

– Где правда о моем отце, *bastardo*? – крикнул Сильвано, его голос дрожал от ярости.

– Правда? – Калоджеро усмехнулся. – Правда в том, что он был дурак. Как и ты.

Он резко рванулся в сторону, в узкий проулок, но на выходе из него его уже ждал Райт с тяжелой тростью в руках. Тупик. Стены высокие, мокрые. Пути к отступлению не было.

Калоджеро замедлил шаг. Он окинул Райта оценивающим взглядом. —Американский щенок. Умный. Я слышал о тебе. Следовательно. Жаль. Умные живут недолго. Особенно те, кто лезет не в свое дело.

В его руке блеснуло лезвие длинной, тонкой бритвы. Но он не учел слепой ярости Сильвано. С криком, в котором смешались вся боль, горе и ненависть, итальянец набросился на него сбоку. Они с грохотом рухнули в липкую, холодную грязь. Последнее, что увидел Райт, прежде чем броситься на помощь, – это пустой, безразличный взгляд Калоджеро, даже в момент падения пытавшегося подставить лезвие под горло Сильвано.

Завязалась короткая, жестокая и молчаливая борьба под аккомпанемент ливня. Это была не дуэль, а звериная схватка. Блестела сталь, слышались хриплые вздохи, чавкала грязь. Райт пытался прицельно ударить тростью, но мешались тела. В итоге все решил случай: отчаянный рывок Сильвано, скользкая мостовая, точный удар Райта по руке с бритвой. Раздался глухой звук, странный хруст и тихий, обреченный выдох. Тело Калоджеро обмякло и затихло.

Они стояли над ним, тяжело дыша, обрызганные грязью и не понимая, что произошло. Сильвано с ужасом смотрел на свои руки. Калоджеро лежал неподвижно, его стеклянные глаза

установились в парижское небо, не видя ничего. Из-под тела медленно расплзлось темное, почти черное пятно, смешиваясь с дождевой водой.

Райт похолодел. Закон, кодексы, параграфы – все это осталось там, в лекционных залах. Здесь, в вонючем тупике, под проливным дождем, правосудие свершилось по законам куда более древним и жестоким. Они не были судьями. Они стали палачами.

Они не дождались полиции. Не сказали ни слова. Они просто скрылись, растворившись в сером, безразличном Париже, оставив за спиной тело человека, который был и жертвой, и монстром, порожденным этим жестоким веком.

Их дружба прошла через огонь и кровь и закалилась в стали. Они выиграли свою битву, но Парижская осень навсегда окрасилась для них в цвет запекшейся крови и промозглого тумана. Они нашли ответ, но он принес не покой, а вечную тревогу. Некоторые раны не заживают, некоторые тени никогда не исчезают, а цена правды иногда оказывается выше, чем сама истина. Они унесли с собой не только память о случившемся, но и тяжелое знание: линия между правосудием и местью, между законом и произволом – тоньше лезвия бритвы.

Глава 7. Тишина после бури

Квартира Райта Халмана находилась на четвертом, самом верхнем этаже одного из тех старых домов на Монмартре, что цеплялись за холм, словно упрямые моллюски. Подъем по скрипучей, почти вертикальной деревянной лестнице был испытанием даже для самого выносливого почтальона. Дверь в его жилище была узкой, неприметной, выкрашенной в темно-коричневый цвет, который сливался с тенями на площадке.

Но внутри... внутри была крепость ума.

Комната была невелика, с низким потолком, который поддерживала массивная темная балка. Узкое окно-«жабья пасть» выходило не на оживленную улицу, а в тихий, глубокий колодец двора-колодца, где целый день царил полумрак, а звуки города доносились приглушенно, как из другого мира. Это отсутствие внешнего света Райт компенсировал внутренним.

Всю правую стену занимали стеллажи, доверху забитые книгами в потрепанных кожаных переплетах. Пахло здесь старыми фолиантами, сургучом и слабым, но стойким ароматом хорошего кофе, который он варил на маленькой спиртовой горелке. Напротив окна стояла узкая, почти монашеская кровать, застеленная темным шерстяным одеялом. Посередине комнаты – тяжелый дубовый стол, заваленный кипами бумаг, стопками юридических кодексов, чернильницей с массивной медной крышкой и пресс-папье в виде совы.

Именно за этим столом, в глубокой ночи, Райт пытался писать письмо. За окном, в черном квадрате двора, барабанил осенний ливень. Единственным источником света была толстая восковая свеча в медном подсвечнике. Пламя колыхалось от сквозняков, заставляя плясать гигантские, искаженные тени книжных корешков по стенам. Свет выхватывал из мрака напряженное лицо Райта, острый профиль, сосредоточенные глаза.

Перо скрипело по плотной бумаге.

«Дорогой отец,

полагаю, мое молчание могло вас беспокоить. Учеба в Сорбонне требует всей концентрации. Французская юридическая мысль, как я и предполагал, является идеальным точильным камнем для ума. Она оттачивает не только знание законов, но и понимание самой природы человека, его слабостей и пороков...»

Он замер, перо застыло в воздухе. Какие пороки? Те, что оставляют на полу в грязном переулке темное, растекающееся пятно? Он видел это пятно каждый раз, когда закрывал глаза. Слышал тот странный, влажный хруст.

Райт с силой провел рукой по лицу, смахнув невидимую паутину усталости. Он разорвал лист, смял его и швырнул в камин, где уже тлело несколько таких же неудачных попыток. Он не мог лгать. Но и правду написать был не в силах. Между ним и его прежней жизнью в Сент-Луисе выросла стена, сложенная из парижского тумана, лжи и одного мертвого тела.

Он взял новый лист. Написал только одно: «Все в порядке. Ваш Райт». Запечатал сургучом, не ставя печати. Этого будет достаточно. Краткость – сестра не только таланта, но и вынужденной скрытности.

Дверь тихо скрипнула. На пороге стоял Сильвано. Он выглядел на десять лет старше. Его обычно живые, горячие глаза были потухшими, темные круги под ними говорили о бессонных ночах. Он молча прошел к камину и протянул к огню заочеченные пальцы.

– Он снится мне, – тихо, почти шепотом, произнес Сильвано, не глядя на Райта. – Он не кричит, не угрожает. Он просто стоит и смотрит своими стеклянными глазами. И шепчет: «Щенок. А где же твоя правда? Ты так ее жаждал. Она сделала тебя свободнее?»

Райт молчал. Что можно было сказать? Любые слова утешения были бы ложью. Они перешли черту, и обратной дороги не было.

– Я должен уехать, Райт, – Сильвано повернулся к нему, и в его взгляде читалась решимость, замешанная на отчаянии. – В Ливорно. Узнать... узнать ту правду, которую он так любезно пообещал. О отце. О том, что он скрывал.

– Это опасно. Его люди...

– Его люди теперь ищут нас, – перебил Сильвано. – Здесь мы как на ладони. В Италии у меня еще остались родственники, друзья детства. Я смогу затеряться. А ты... – он сделал паузу, – ты должен остаться. Вернуться к учебе. Жить своей жизнью.

– У нас одна жизнь на двоих теперь, – мрачно констатировал Райт. – Ты это знаешь.

Они смотрели друг на друга в мерцающем свете свечи, два брата, связанные не кровью, а кровавой тайной. Шум дождя за окном был единственным звуком, заполнявшим тяжелое молчание.

Глава 8. Библиотека тихих ужасов

После отъезда Сильвано (уехал он на рассвете, в простой крестьянской повозке, под чужим именем) Париж для Райта померк еще больше. Он пытался вернуться к прежней жизни, к лекциям, к книгам. Его убежищем, как и прежде, стала библиотека Сорбонны.

Это был храм знания, пахнувший пылью веков и старой кожей. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке, длинные дубовые столы были испещрены поколениями студентов, сюда не доносился гул города. Царила торжественная, давящая тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц, скрипом перьев и тихими шагами библиотекарей.

Райт сидел на своем привычном месте, в дальнем углу, заваленный фолиантами по римскому праву. Но слова расплывались перед глазами, превращаясь в знакомые, уродливые почерки угрозных записок.

«Prossimo. L'americano.»

Он почувствовал на себе чей-то взгляд. Тяжелый, изучающий. Райт медленно поднял голову.

За соседним столом сидела девушка. Необычная. Она была погружена в чтение старого подшитого тома газет, но ее поза была неестественно напряженной. Темные волосы, собранные в строгую, но небрежную косу, открывали бледный, тонкий профиль. На ней было простое, темно-синее, почти черное платье без каких-либо украшений, что резко контрастировало с нарядными туалетами других посетительниц. Она не была похожа на студентку. В ее движениях, в том, как она листала страницы – быстро, жадно, – была какая-то голодная, хищная грация.

И она время от времени бросала на него быстрые, острые взгляды. Не любопытные, а оценивающие. Как часовой оценивает потенциальную угрозу.

Райт снова сделал вид, что погружен в книгу. Через несколько минут он поднял глаза снова – и поймал ее взгляд. Она не отвела глаза. Ее глаза были темными, почти черными, и в них читался не страх, а холодный, безжалостный интеллект. Она молча смотрела на него несколько секунд, затем ее взгляд скользнул в сторону, к книге в его руках – «Десять книг о кодексе Юстиниана» – и на его лицо вернулась тень едва уловимой усмешки. Она словно знала, что он не в силах воспринимать текст.

Потом она резко встала, бесшумно собрала свои бумаги и вышла из зала, не оглянувшись. От нее осталось лишь легкое облачко аромата – не духи, а запах дождя, влажной шерсти и чего-то горького, лекарственного.

Райт больше не мог читать. Кто она? Почему следила за ним? Связана ли с Калоджеро? Вопросы звенели в его голове громче, чем тишина библиотеки. Враги окружали его, принимая новые, неизвестные формы.

Глава 9. Незнакомка в тумане

Прошла неделя. От Сильвано не было ни единого письма. Каждое утро Райт заходил в контору дилижансов на улице Лафитт, надеясь на весточку, и каждый раз возвращался ни с чем. Тревога разъедала его изнутри, как кислота.

Он возвращался домой поздно вечером. Туман с Сены уже заползал в переулки Мон-мартра, превращая их в лабиринт из грязных стен и бледных, расплывчатых фонарей. Воздух был холодным и сырым, пропитанным запахом жареных каштанов, конского навоза и нечистот, стекавших по сточным канавам. Где-то вдалеке слышался пьяный спор, лай собаки, скрип колес по булыжнику.

Райт уже подходил к своему дому, когда из подворотни, такой же темной и глубокой, как та, где нашли свой конец Калоджеро, на него вышла та самая девушка из библиотеки.

В тумане она казалась призраком. Бледное лицо, темное платье, черные глаза, блестящие во мраке.

– Месье Халман, – ее голос был низким, глуховатым, без тени кокетства или подобострастия. – Нам нужно поговорить.

Райт остановился, медленно опуская руку в карман пальто, где лежала тяжелая металлическая линейка – жалкое оружие, но лучше, чем ничего.

– Мадемуазель, вы ошиблись адресом, – холодно парировал он. – Я не принимаю незнакомки в столь поздний час.

– О, мы незнакомы лишь формально, – она сделала шаг вперед. Туман клубился вокруг нее. – Я знаю о вас многое. О вашем друге, Сильвано Боргезе. О трагедии его семьи. О человеке по имени Калоджеро. И о том, что случилось с ним на мосту... вернее, в переулке у моста Мари.

Ледяная струя страха пробежала по спине Райта. Он не подал вида.

– Вы говорите загадками. Идите своей дорогой.

– Моя дорога привела меня к вам, – она не отступала. – Мое имя Элоиза Деверо. Мой отец, Жерар Деверо, был компаньоном Джузеппе Риччи. Того самого, чей склад сгорел, а сам он «упал с лестницы».

Райт замер. Теперь он смотрел на нее с настоящим интересом, сквозь маску отстраненности.

– Я слушаю.

– Моего отца нашли неделю назад в Сене, – ее голос дрогнул, но она взяла себя в руки, и в ее глазах вспыхнул стальной огонек. – Полиция говорит – самоубийство. Долги. Но я знаю, что это ложь. Он что-то узнал. О тех же людях, что погубили Риччи и родителей вашего друга Сильвано. Он вел дневник. Последняя запись... – она сделала паузу, глядя ему прямо в глаза, – в ней было всего два слова: «Ищу американца».

Райт почувствовал, как земля уходит из-под ног. Паутина раскинулась еще шире, и он, сам того не желая, оказался в самом ее центре.

– Почему вы пришли ко мне? – спросил он, и его голос прозвучал хрипло.

– Потому что вы – единственный, кто не боится. Кто действует. Полиция слепа или подкуплена. А вы... вы убили того человека. Вы знаете, с чем имеете дело.

Она сказала это без осуждения, с каменным, почти профессиональным спокойствием. Как констатацию факта.

– У вас нет доказательств.

– Мне не нужны доказательства. Мне нужна правда. И мне нужна помощь. Как и вам. Они не остановятся на достигнутом. Тот, кто отдавал приказы Калоджеро, все еще на свободе. И он теперь знает о вас.

Туман сгущался, заворачивая их в холодную, влажную пелену. Где-то в порту просигналил пароход. Звук был печальным и предостерегающим.

Райт понимал, что это новая ловушка. Возможно, более изощренная, чем на мосту Мари. Но в глазах этой девушки он видел ту же боль, то же желание справедливости, что и в глазах Сильвано. И тот же огонь, готовый сжечь все на своем пути.

– Хорошо, мадемуазель Деверо, – наконец сказал он, отступая к двери. – Проходите. Но будьте кратки. И знайте: одно неверное слово, одна ложь – и наш разговор закончится.

Она лишь кивнула и скользнула в темный подъезд за ним, как тень, рожденная самим мрачным парижским туманом. Игра только начиналась, и ставки снова росли.

Глава 10. Союз теней и чернил

Комната Райта, обычно бывшая его крепостью, внезапно показалась ему ловушкой. При-
сутствие незнакомки, Элоизы Деверо, нарушило его строгий, выверенный порядок. Она стояла
посреди комнаты, ее темный силуэт казался инородным пятном на фоне аккуратных стелла-
жей и застеленной кровати.

– Садитесь, – сухо предложил Райт, указав на единственный стул у стола. Сам он присло-
нился к каминной полке, скрестив руки на груди. Защитная поза. – Говорите. Что вы знаете?

Элоиза села, выпрямив спину. Ее руки в потертых перчатках лежали на коленях, пальцы
не дрожали.

– Мой отец был бухгалтером, – начала она, ее голос звучал ровно, словно она зачитывала
отчет. – Он вёл дела месье Риччи. И некоторые другие... менее легальные предприятия. Он был
честным человеком, но долги... долги заставляют идти на компромиссы. Последние месяцы
он был напуган. Говорил о каких-то крупных поставках, о «сильных покровителях» из Нового
Света, которые не терпят ошибок.

– Новый Свет? – переспросил Райт, и его сердце сжалось. Нить снова тянулась через
океан.

– Америка, – подтвердила Элоиза. – Но не только. Здесь, в Париже, у них тоже есть люди.
Он что-то подсчитал, что-то узнал. Сказал, что собирается к кому-то... к тому, кто сможет
помочь. К «американцу, который разбирается в законах». Я думала, он о полиции... – она
опустила глаза, и на мгновение её холодная маска дрогнула, выдав боль. – Но он пришел домой
поздно, весь перепуганный. Сказал, что всё кончено, что он «нашел его». Утром его выловили
в Сене.

Она посмотрела на Райта, и в её взгляде читался немой вопрос: «Это были вы?»

– Я не видел вашего отца, – честно сказал Райт. – И я не полиция. Я студент.

– Студенты не охотятся на убийц в переулках, – парировала она. – И не становятся мише-
нью для бандитов. Я следила за вами. Вы не ходите на лекции. Вы часами просиживаете в
библиотеке, но не читаете. Вы ищете. Так же, как и я.

Райт молчал. Она была поразительно наблюдательна.

– Что вы предлагаете? – наконец спросил он.

– Обмен информацией. У меня есть дневник отца. Он написан его личным шифром. Я
могу его расшифровать, но мне не хватает знаний... о людях, о связях. Вы же, судя по вашим
книгам, – она кивнула на стеллажи, – понимаете в системах. В структурах. А ещё у вас есть
мотив. Мы можем помочь друг другу.

Она вынула из складок платья небольшой, потертый кожаный блокнот и положила его на
стол рядом с недописанным письмом Райта. Он лежал там, как обвинение, как ключ к двери,
за которой скрывалась бездна.

Райт подошел к столу, взял блокнот. Страницы были испещрены столбцами цифр, стран-
ными значками, отрывочными фразами на полях. Это был почерк человека, который боится,
что его прочтут.

– Хорошо, – тихо сказал он. Пойти на этот союз было безумием. Но остаться в одино-
честве с призраком Калоджеро было ещё большим безумием. – Мы работаем вместе. Но по
моим правилам. Вы сообщаете мне обо всем, что узнаете. Никаких самостоятельных вылазок.
Понятно?

Элоиза кивнула, и в уголках её губ дрогнуло нечто, отдалённо напоминающее улыбку.

– Понятно, месье Халман.

– Райт, – поправил он. – Если мы будем союзниками, хватит церемоний.

В эту ночь свеча на его столе горела до самого рассвета. Они сидели по разные стороны, склонившись над дневником. Райт выстраивал логические цепочки, искал закономерности в цифрах, в то время как Элоиза пыталась вспомнить обрывки фраз отца, его привычки, ассоциации. Они почти не разговаривали. Скрип пера, шелест страниц и завывание ветра за окном были их единственным аккомпанементом.

Впервые за долгое время Райт чувствовал, что его ум снова заточен и ясен. Не для экзаменов, а для выживания. И этот новый, странный союз с холодной, умной девушкой, чьё горе было спрятано глубже, чем его собственное, казался единственной нитью, ведущей из тупика.

Глава 11. Шепот цифр и ярость улиц

Прошло несколько дней. Райт практически перестал появляться в Сорбонне. Его мир сузился до четырёх стен комнаты, до страниц дневника и до молчаливого присутствия Элоизы. Она приходила каждый день на закате, принося с собой запах дождя и свежий хлеб.

Их работа продвигалась медленно. Шифр был сложным.

– Смотрите, – как-то утром Райт указал на столбец цифр. – Здесь везде повторяется последовательность 10-18-5. Это не дата. Это... код. Номер статьи? Номер дела?

Элоиза, протиравшая пыль с полок (она, к неудовольствию Райта, взяла на себя эту обязанность, заявив, что не может работать в таком хаосе), замерла.

– Десять... восемнадцать... пять... – она пробормотала. – «J... R... E»? По алфавиту.

Райт схватил лист бумаги и начал быстро писать. – J-R-E. Это не слово. Или... не на французском. J... может быть, это не буква, а инициал? Или название?

Внезапно в дверь постучали. Резко, настойчиво. Не почтальон – тот стучал вежливо и уходил.

Райт и Элоиза переглянулись. В её глазах мелькнул страх. Райт жестом велел ей молчать и бесшумно подошёл к двери.

– Кто там? – спросил он, не открывая.

– Открывайте, полиция! – раздался грубый голос.

Райт медленно отодвинул засов. На пороге стояли два человека в поношенных пальто, но без униформы. У одного было тяжёлое, обрюзгшее лицо, у второго – хищное, с колючим взглядом.

– Месье Халман? – спросил брюзга. – У нас к вам вопросы.

– По какому делу? – холодно осведомился Райт, преграждая им путь в комнату.

– По делу о пропаже человека. Калоджеро Корлеоне. Его видели в вашем районе в ночь исчезновения.

Сердце Райта упало. Но лицо осталось непроницаемым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.